

Барбенко Я.А.

«Благородный муж» и социальный контроль

«Perfect man» vs social control

С 2005 года эксперты из нескольких авторитетных американских исследовательских организаций публикуют так называемый «Рейтинг недееспособности государств» («Failed States Index»), фиксирующий степень стабильности общества и государства в разных странах мира (список стран время от времени пополняется). Судя по данным этого рейтинга, вторая половина 2000 х годов для России, находящейся в списке стран с умеренным уровнем «недееспособности», прошла позитивно: наблюдается тенденция к росту её общего показателя, тем не менее проблемы на протяжении ряда лет остаются одни и те же – неэффективная работа государственных структур, высокая степень криминализации общества [4]. На пересечении этих двух черт лежит коррупция – явление, отягчающее любое государство, тем более наше.

Вполне согласные с недавним высказыванием премьер-министра правительства о том, что непорядочного человека «близко нельзя подпускать к руководству любым коллективом, а тем более страной» [1], наши учёные-гуманитарии в начале июня собрались, чтобы обсудить возможности идеологического обеспечения борьбы с коррупцией. 3 июня 2011 года в зале заседаний Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ ДВ) ДВО РАН состоялся круглый стол на тему «Этика государственной службы и нравственный идеал человека в культурных традициях России и Восточной Азии». Программа обсуждения была очень насыщенной, включая такие проблемы: 1. Как сформулировать жизнеспособный (привлекательный для чиновников и политиков) нравственный идеал государственного служащего? Какие особенности национальной культуры и обусловленные ею особенности личности чиновника могут помочь, а какие – помешать? Что из опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона в решении этого вопроса должна учесть Россия? 2. Каким должно быть образование, чтобы оно формировало нравственность госслужащего? Как сделать образование ресурсом для построения этико-рациональной (меритократической) бюрократии? 3. Как ограничить патримониальную бюрократию? На каких идеалах должна строиться жизнеспособная этика внутривластных отношений? Как сделать нравственные нормы критериями работы «социальных лифтов»? Как можно учесть «национальную специфику» без ущерба для рациональности бюрократии? 4. Какое содержание должна получить концепция «мягкой силы» (soft power) для того чтобы из средства внеш-

неполитической манипуляции стать ресурсом этического соразвития и поиска нравственных оснований международных отношений?» [3].

Идея данного мероприятия принадлежит сотрудникам ИИАЭНДВ ДВО РАН С.Г. Коваленко и А.В. Поповкину [3], проблематика круглого стола нацелена на расширение идей, заложенных в недавно вышедшую статью Андрея Поповкина [2]. К участию в обсуждении были привлечены исследователи и практики государственного управления, на роль модератора круглого стола был приглашён доктор исторических наук, профессор В.Л. Ларин.

Начиная работу круглого стола, ведущий отметил сложность вынесенной на обсуждение проблемы и позавидовал смелости и оптимизму организаторов мероприятия. Он отметил, что тема встречи навеяна представлениями о том, что у нас, в России, с этикой госслужбы есть сложности, а вот на Востоке... Не так давно в новостях агентства Синьхуа мелькнула информация о том, что за 1999 – 2009 годы в КНР было осуждено за должностные преступления более 100 чиновников уровня замминистра, о тяжести нарушений говорит то, что среди приговоров были и смертные. Словом, тема является очень непростой, а потому и особенно интересной.

Первым докладчиком выступил проф. ДВФУ С.Е. Ячин. Тема этики и политики, нравственного государства сегодня широко обсуждается: в частности, в мае только в России прошло несколько конференций, связанных с этой темой. Проблема может быть сформулирована следующим образом: что в России препятствует полаганию этики в качестве основания политики? Докладчик высказал гипотезу, опирающуюся на исследования Лотмана и Успенского: в России распространён бинарный архетип сознания, выстраивающий действительность через бинарные оппозиции, крайности. Этот архетип хорошо работает в ситуации конфликта, в периоды же мира он не работает совсем. Вместе с тем, следует помнить, что представление о политике и на Западе, и на Востоке лишены бинарности. В частности, античная мысль видела политику как производное этики — политика выступала как стремление к общему благу; идея полиса — это идея общего блага. У Гегеля государство выступает в качестве высшего развития нравственной идеи. Х. Арендт учит, что политика — это искусство жить вместе. Можно на западе отметить и другую традицию. В частности, популярный сегодня К. Шмидт учит, что политика есть производное бинарной оппозиции; лучший способ найти благо — это найти врага. По Макиавелли цель оправдывает средства, но и здесь присутствует идея общего блага. На Востоке этика ещё более влияет на политику, хотя здесь отсутствует понятие политики в западном смысле. Сегодня в Китае жалуются на утрату конфуцианских принципов в управлении, что косвенно подтверждает связь морали и политик в конфуцианской традиции. Итак, в отношении политики и на Западе, и на Востоке бытуют общие идеи.

Обобщил южнокорейский опыт коррупции в госуправлении начальник управления ФРС по Приморскому краю канд. полит. наук Е.А. Русецкий. Корейцы сами очень критично смотрят на этичность собственного чиновничества. Под знаком конфуцианства в Корее выступают авторитарность и непререкаемость власти. Среди ценностей и в практике корейской политики и администрирования — бюрократизм и централизм, во многом сочетающиеся с ценностями конфуцианства и буддизма. Иногда демократические идеалы оказывают влияние на корейскую элиту, тем не менее до сих пор в стране господствуют авторитарные порядки. Однако следует помнить о существовании и таких ценностей, которые служат противовесом уже обозначенным: персонализм «нейтрализует» авторитарность, конфуцианская ментальность — военизацию. В I и II ре-

спубликах целью государственной службы была фактически выгодная продажа власти, а злоупотребление властью и есть коррупция. Причина коррупции – властные традиции, а также деформации политической сферы и государственной власти. В III и IV республиках – упрочение авторитарного политического строя. В начале 60 х, под лозунгами национальной мобилизации и реконструкции страны, складывается новая политическая система: растёт роль лидера партии, только члены партии получают право на государственную службу. В V республике, где мы можем наблюдать демократический транзит, ситуация с ценностями такая же: коррупция, неконсолидируемая демократия. Демократический транзит в Корею может быть охарактеризован как консервативный: неразвитость политических партий, клиентелизм, неформальные связи и в итоге — коррупция. Развитие коррупции в Республике Корея опирается на три группы причин – структурные: правила и стандарты; социокультурные: традиция подарков, семейственность; личностные: недостаток этики, моральная глухота. Итак, реальные основания коррупции в Южной Корее — корпоративность и авторитаризм, следовательно, преодолеть её можно через демократизацию, развитие правового государства и гражданского общества.

Условия и возможности развития коррупции в Японии раскрыл преподаватель каф. японской филологии ДВФУ А.В. Полутов. В рамках конфуцианской традиции понятий «этика», «мораль» не существует, наиболее близкие по смыслу понятия, служащие для передачи требуемого смысла – «направленность действий», «вид деятельности», именно на них строятся пять критериев благородного мужа. До эпохи Мэйдзи стереотип властвования в России и в Японии был схожим: власть была посредником между обществом и божеством, она была несменяема. С 80-х годов XIX в. до настоящего времени в Японии сменилось 135 кабинетов (в т. ч. частично 94), по сравнению в Россией это много. У нас есть «заслуженные люди», убрать которых нельзя. В Японии практикуется ротация кадров, когда, находясь на должности 2 – 3 года, чиновник не успевает обрасти связями: это важный принцип борьбы с коррупцией. Революция Мэйдзи принесла новую систему организации управления. Для чиновника в Японии отсутствуют льготы, служащие всё оплачивают из своего жалования. Отсутствует секретность в плане кадрового состава: с 1868 года ежегодно публикуются списки госслужащих. Вместе с тем, с 1872 по 2010 годы в Японии произошли 54 (т. е. каждые 2,5 года) крупных коррупционных скандала государственного уровня со сменой кабинета и законов. Методы борьбы с коррупцией постоянно совершенствуются. В России, несмотря на коррупционные скандалы, наши начальники остаются в неприкосновенности. Объяснить это можно тем, что в Японии высоко стоит проблема репутации, что дисциплинирует чиновников и служащих. Одним из столпов социального порядка являются такие ценности, как коллективизм, патриотизм, национализм – они являются как предпосылкой коррупции, так и средством от неё. Важным элементом антикоррупционной системы Японии, начиная с эпохи Мэйдзи, служат экзамены, сдаваемые чиновниками на каждом этапе служебного роста. Обобщая, можно сказать, что средством от коррупции в Японии служат экзамены, аттестации, ротации. Русские чиновники служат себе, японские служат государству.

Заведующий отделом истории Дальнего Востока России института к. и. н. О.И. Сергеев кратко осветил развитие бюрократии в России. Этапы истории российской государственной службы: 1) IX – XV вв., зарождение основ государственной службы; 2) XV – XVII вв., формирование слоя профессионалов-управленцев в рамках приказной системы, особенность данного этапа – служащие не зависели от государства мате-

риально; 3) VIII – начало XX вв., формирование бюрократии современного типа, юридическое оформление и развитие; 4) советский период, формирование советской номенклатуры, её особенность – очень большие льготы; 5) современный период. России в все времена свойственно расхождение законов и реальной действительности государственной службы. Наша страна развивается по мобилизационному пути, соответственно выстраивается и культура организации государственной службы. С 90-х годов, восстанавливая капитализм, начинаем с первого этапа – «чёрного капитализма», это порождает госслужбу, полностью подчинённую государству. Согласно одному из опросов приморских чиновников, 50% из них служит государству, 19% народу, 20% начальству, 9% сами себе. Современная реформа государства ведёт к росту количества органов государственной власти. Это традиционное для России средство развития: в дореволюционное время штат государственных служащих составлял 600 тыс. человек, за первое десятилетие XXI в. количество органов государственной власти в России выросло с 58 до 80.

Дискуссию открыл ведущий, указав, что в отношении русских чиновников ни разу не сказали: «честь», о японских чиновниках шла речь, а о русских – нет. Чем это можно объяснить – особенностями исторического развития, как указал Олег Игоревич, или может быть это следствие советского времени, Россия потеряла много благородных людей в результате эмиграций и войн. В историческом Китае все чиновники воровали, минимальный объём взятки – 10%; чиновники сменялись только в результате восстаний, когда люди убивали ненавистных коррупционеров! Сравните с Россией – мы не хуже, но, наверное, и не лучше! Мы не любим работать? Да, но потому, что отдыхаем между войнами; Китай на протяжении своей истории воевал значительно меньше, а Япония – и вовсе нет.

С.Е. Ячин поставил перед присутствующими вопрос, на который сам же и ответил: может ли человек не использовать власть в личных интересах? Нет, не может, хотя эти интересы не обязательно должны быть коррупционными! Что же может помочь чиновнику исполнять свои обязанности? Надо помнить о заменяемости блага, в качестве такого заменителя можно использовать славу; нужно разработать механизм такой замены нелегитимного блага на легитимное. На вопрос В.В. Кожевникова (ИИАЭ ДВ) «мы выросли на определении политики как концентрированного выражения экономики. Власть, это безусловно благо, но что ещё – экономика, свобода?» С.Е. Ячин ответил: в определении Аристотеля политика это общее благо, экономическое благо в представлениях о политике ошибочно вошло в XIX веке.

На рассуждения присутствующих о том, что же может являться критерием оценки деятельности чиновника, Е.А. Русецкий заметил, что следует определиться с понятием чиновника. Мы часто придаём чиновникам политические функции, а ведь они зачастую такие же граждане, причём имеющие очень небольшой доход! К причине роста количества чиновников: расширяется список функций, целей и задач государства, под это создаётся механизм реализации. А ведь параллельно идёт работа по сокращению аппарата. Говоря о коррупции, следует помнить, что большинство «коррупционных» случаев есть следствие противоречивого толкования законов, например, использование права на самую обыкновенную приватизированную квартиру. Коррупция была и будет, она есть проблема тогда, когда мешает развитию общества и государства. Важное значение имеют масштабы коррупции. Давайте ставить реальные цели развития, стремиться следовать закону в любом случае и в отношении любого человека.

«Несколько слов в защиту чиновников» высказала Ю.Н. Ковалев-

ская (ИИАЭ ДВ). С точки зрения простого человека, не связанного с властью, мы все, будучи работниками государственных организаций, особенно преподаватели, являемся чиновниками. Не все чиновники «плохие», и мы об этом знаем. Например, В. Назаров, депутат краевого парламента, ушёл, уступив своё место ни в чём не повинному увольняемому человеку. Губернатор Сахалина дореволюционного времени Григорьев был уволен за проект преобразований управления областью, не предусматривавший должности губернатора вообще. Далее, для России столетней давности 600 тысяч чиновников, это совсем немного, от населения они составляли менее одного процента, тем более, что «чиновничеством» тогда назывались все государственные служащие, в том числе и преподаватели вузов. «Служба» – она священна, служащий несёт себя в жертву. Мы ждём от чиновника пользы себе, а в чём же его польза? За невнимание к нашей пользе мы валим вину на государство и чиновника! Существует идеализированный образ Чиновника, которому реальные служащие не соответствуют. В чём причина? Во-первых, стремление чиновничьего корпуса к сословному состоянию (одна из тенденций общественного развития России). Во-вторых, отношения с бизнесом. Давайте помогать государству стать правовым, мы должны поощрять к этому чиновников, начальников.

Этот пассаж вызвал дискуссию о том, следует ли требовать от чиновников выполнения норм или в первую очередь стремиться выполнять их самим.

Финал круглого стола оказался несколько смазанным: профессора Ларин и Ячин были вынуждены оставить собрание по служебной необходимости, обсуждение вращалось вокруг словаря, так и не затронув многие вопросы, выставленные организаторами. В отношении главной проблемы «ради чего должен служить чиновник?» [3] был высказан ряд соображений, однако к общему знаменателю собрание так и не приблизилось. Как было указано в начале этой заметки, всего на обсуждение было выставлено десять проблем в четырёх блоках, из них докладчиками и дискуссантами оказались затронутыми в рамках первого блока вторая и третья проблемы, в рамках третьего блока первая и вторая проблемы; проблемы из второго и четвёртого блока так и не были рассмотрены вовсе. Проблема видится главным образом в организационном плане: слабое модерирование (инициативной группе не следовало отдавать управление обсуждением в чужие руки), в ходе работы аудитория шла вслед за докладчиками, коснувшись только четырёх проблем из десяти, наконец – большое количество вопросов, выносимых на обсуждение. Мероприятие, готовившееся как попытка обсуждения внедрения в общественное (в т. ч. и госслужащих) сознание образа чиновника «благородного мужа» как средства построения эффективной бюрократии вылилось в констатацию контроля общества над государством, как лучшего средства выявления и профилактики коррупции.



Литература

1. Зубарев Е. «Порядочные» управленцы добивают Россию // Живой Журнал ИА «Росбалт». [Электронный документ] URL <http://rosbalt.livejournal.com/10552.html> [Дата обращения: 20.07.2011].

2. Поповкин А. В. О чём мы можем подумать вместе с Китаем: к вопросу об этике государственной службы в перспективе нравственного идеала человека в культурах России и Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 82-90.

3. Приложение к информационному письму «Этика государственной службы и нравственный идеал человека в культурных традициях России и Восточной Азии» // Российский офис международного метакультурного сообщества [Электронный документ] URL <http://metaculture.ru/projects/150-prilozhenie-k-infor.pismu.html> [Дата обращения 14.07.2011].

4. Failed states index 2011: Рейтинг недееспособности государств мира 2011 года // Экспертно-аналитический портал «Новости гуманитарных технологий – Гуманитарное развитие в России и за рубежом». [Электронный документ] URL <http://gtmarket.ru/news/state/2011/06/20/2980> [Дата обращения 25.06.2011].